

мике вызывает сомнение в том, вообще производились ли в Херсоне амфоры и в V и VI вв. — как в первой, так и во второй его половине. Мы, признаться, склоняемся к отрицательному ответу. В противном случае картина была бы совсем иная. Что это так, показывает материал из слоев X в., давших действительно множество амфор: только массовостью находок можно обосновать заключение о их производстве на месте.

Автор ссылается даже на пифосы (стр. 56), но это недоразумение: ни одного раннесредневекового (т. е. V—VI вв.) пифоса в Херсоне не сохранилось и о форме их мы пока судить не можем, хотя и очень вероятно, что они удерживали формы позднеантичных пифосов. Ничего не говорит об уровне гончарного производства раннесредневекового Херсона и краснолаковая посуда (стр. 56—57, прим. 10); ее, правда, нередко находят в Херсоне, но она, несомненно, целиком привозная (этим то и объясняется ее абсолютное тождество с восточногреческой, что отмечает автор). Нет никаких оснований говорить и о массовом вывозе херсонских амфор на внешний рынок, ибо вне Херсона, в Юго-Западном Крыму, такого рода находки, и то в виде обломков, очень немногочисленны. Могу утверждать это на основании своих шестилетних раскопок раннесредневековых сельских поселений в этом районе Крыма.

2) Д. Л. Талис считает, что и продукция раннесредневекового металлообрабатывающего ремесла Херсона также носила массовый характер и имела широкое распространение (стр. 57). Автор имеет в виду литейные формы для отливки крестов, украшений и иконок, фибулы и пряжки, притом «весьма многочисленные». Но и этот тезис нельзя принять, так как погребальный инвентарь раннего средневековья в Херсоне, вопреки автору, сравнительно малочисленный, фибулы же вообще редки, а фибул, характерных для VI в., почти нет, что уже приходилось констатировать². Что же касается упоминаемых автором литейных форм (стр. 57, прим. 14), то к раннему средневековью может быть отнесен лишь один предмет — глиняная форма с изображением двух святых из раскопок 1898 г.³ Датировка V и VI вв. остальных форм — плод недоразумения; в частности, оба креста и форма для отливки креста из раскопок 1903 г.⁴ относятся ко времени не ранее IX в. Таким же недоразумением является и ссылка на бронзовые кадила из Херсонеса, изданные Н. П. Кондаковым⁵: во-первых, они найдены, может быть, вовсе не в Херсонесе (их место находки неопределенное), во-вторых, они не V—VI вв., а значительно более поздние (Н. П. Кондаков датирует их XI в.). Таким образом, Д. Л. Талис может оперировать лишь одной раннесредневековой матрицей, а этого, конечно, недостаточно для каких-либо обобщений.

Столь же бездоказательны и данные об импорте и экспорте Херсона в V—VI вв. (стр. 63, прим. 35). Можно подумать, что все перечисленное автором основано на фактах, но на самом деле — это почти сплошные догадки, более или менее вероятные. Например, на чем построено утверждение, что в V—VI вв. из Малой Азии «в Херсон поступали ремесленные изделия из стекла и металла, металлы в сыром виде, строительные материалы (какие? — А. Я.), архитектурные детали...»? Ведь никаких определенных данных для такого утверждения у автора нет. Следовало бы подчеркнуть предположительность этого перечня предметов ввоза.

Но если другая группа материала, привлеченного Д. Л. Талисом, — керамика, действительно может быть датирована ранним средневековьем (V—VI вв.), то членение ее на группы до середины VI в. и второй половины VI в. пока не может быть установлено.

3) Д. Л. Талис указывает на большое значение в раннесредневековом Херсоне промыслового рыболовства, о чем свидетельствует множество рыбозасолочных цистерн, использовавшихся в городе до середины VI в. (стр. 58—59). Но и эта датировка предвзята: массовая ликвидация (засыпка) этих цистерн в большинстве случаев относится ко времени до VI в., на что уже указывал Г. Д. Белов на основании своих многолетних наблюдений во время раскопок⁶; признаться, возражения Д. Л. Талиса (стр. 59, прим. 21) просто непонятны. Могу добавить, что огромная цистерна, расположенная рядом с Уваровской базиликой, была также ликвидирована еще до VI в., что доказывается постройкой храма, бесспорно V в., триконхальная апсидальная часть которого основана на субструкции, сооруженной внутри цистерны. Таким образом, существенные изменения в экономике Херсона, на которые указывает массовая ликвидация товарного производства соленой рыбы, относятся ко времени до VI в., а отнюдь не к середине этого столетия, как утверждает Д. Л. Талис.

b i n s o n. Pottery of the Roman Period. Chronology: The Athenian Agora, vol. V. Princeton—New Jersey, 1959, К. 108— стр. 68, табл. 15 и М. 272 — табл. 29.

² МИА, № 63, 1959, стр. 272.

³ ОАК за 1898 г., стр. 116.

⁴ ИАК, вып. 16, стр. 45.

⁵ И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, т. IV. СПб., 1891, стр. 34—35.

⁶ МИА, № 34, 1953, стр. 32.